

Глава 30

— Он убивал?

Лицо Е Цзяньбана дёрнулось.

Разговор двух молодых мастеров походил на разгадывание шарад. Е Цзяньбан, слушая их вполуха, не мог понять, как один телефонный звонок мог привести к выводу, что Белая змея — убийца.

Первая мысль, пронзившая его, была о старом деревенском ритуале — «выставлении Короля-дракона на солнце».

Если Белая змея действительно убивала, что станет с деревней Лицзя?!

Е Цзяньбан побледнел и схватил Ю Синьюэ за руку.

— Мастер! Я...

— Я понимаю, о чём вы беспокоитесь, дядя Е, — невозмутимо произнёс Ю Синьюэ. — Если бы Белая змея желала отомстить, она не стала бы ждать столько лет и уж точно не прибежала бы к снам.

Е Цзяньбан понимал его правоту, но страх не отпускал.

— Вы правы, мастер, — пробормотал он, — но жители деревни...

— Понимаю, — Ю Синьюэ, сама доброжелательность, успокаивающе улыбнулся. — Не волнуйтесь, мы здесь, ничего не случится. Уже поздно, дядя Е, возвращайтесь домой ужинать. Нам ещё нужно кое-что обсудить.

Е Цзяньбан медлил, не желая уходить. Ему не терпелось узнать, что именно собирается предпринять Ю Синьюэ.

— Но...

В деревне Лицзя проживало много людей, но молодых и сильных почти не осталось — в основном одинокие старики. Как деревенский староста, он нёс за них ответственность.

— Когда всё закончится, я заберу статую Короля-дракона из деревни, — голос Ю Синьюэ стал строже, а взгляд за стёклами очков потемнел. — Если вы так переживаете, дядя Е, можете

вернуться и обсудить всё с другими старейшинами и жителями. В конце концов, храм Короля-дракона, полагаю, строился на общие деньги.

Ночной ветер донёс до него влажную прохладу. Е Цзяньбан содрогнулся. Больше он не смел колебаться и, то и дело оглядываясь, поплёлся прочь.

Включив фонарик на телефоне, Ю Синьюэ вернулся в храм Короля-дракона. Тесное святилище едва вмещало его и Ши Уяня.

Ши Уянь лёгким движением пальца сотворил из воздуха небольшую табуретку.

— Присядь.

Ю Синьюэ, уставший после долгой дороги, не стал церемониться. Он сел, вытянул ноги и похлопал себя по коленям.

— Бу Люкэ, иди сюда.

Если бы Ши Уянь хотел сесть сам, он бы создал две табуретки. Раз уж появилась только одна, значит, она предназначалась для Ю Синьюэ.

Бу Люкэ, пыхтя, вскарабкался к нему на колени. Ю Синьюэ обнял его, словно большую подушку.

Устроившись поудобнее, он поднял голову.

— Белая змея.

— Меня зовут не Белая змея, — раздался холодный голос духа. — У меня есть имя — Цин Цзэ. Я змеиный дух этой реки, Лян. И этот... как его... даос, имени которого я не знаю, был прав. Когда-то я пытался стать драконом, но потерпел неудачу. Удар молнии уничтожил моё тело, и лишь душа, укрывшись в храме Короля-дракона, смогла уцелеть.

В те времена деревня Лицзя была крошечной, меньше тридцати дворов. Жители скинулись и построили этот храм — тесный и узкий, больше похожий на святилище духа земли.

Поселившись здесь, Цин Цзэ в благодарность исправно отзывался на молитвы о дожде, и вскоре в храме затеплилась жизнь.

— Храм, который вы видите сейчас, был расширен шестьдесят лет назад. Я был благодарен ему за то, что он приютил мою душу, поэтому охотно помогал этим селянам — приносил им воду

издалека. Хоть я и растерял почти всю свою силу, на такие мелочи её хватало.

— По идее, твои благовония должны были гореть вечно, — кивнул Ю Синьюэ.

— Хм, — хмыкнул Цин Цзэ. — Я змеиный дух, лишённый тела, от бывшего величия не осталось и следа. Десятки лет назад случилась великая засуха, охватившая всю провинцию. Что я мог поделать? Раньше они молились о воде — и получали её. Некоторые стали считать меня истинным Королём-драконом и снова пришли с мольбами. Естественно, это не сработало. Тогда кто-то решил «выставить Короля-дракона на солнце». Пусть делают что хотят.

Ю Синьюэ нащупал в кармане две шоколадки и протянул одну Ши Уяню.

— Ты не злился?

— Не на что тут злиться, — равнодушно ответил Цин Цзэ. — Когда благовония курились, они приносили в жертву кур и свиней. Аромат благовоний не прекращался, а деревенские дети, может, и не пробовали такого мяса. Это был взаимовыгодный обмен. Они хотели выставить Короля-дракона на солнце — я просто спрятался в храме и не выходил.

— После того случая, с развитием технологий, поклоняться богам стали ещё реже, — в голосе Цин Цзэ прозвучала зависть. — Подумать только, этот ржавый водяной насос, стоит только подключить к электричеству, работает эффективнее меня.

Ю Синьюэ не сдержал смешка.

— Ты так долго подводил к главному. Какое отношение всё это имеет к убийству?

— Я лишь хотел сказать, что она была для меня особенной, — после недолгого молчания произнёс Цин Цзэ.

— На пятый год запустения храма я уже сросся со статуей, перестав быть просто блуждающим духом, но и став заложником изваяния. Я не мог покинуть этот храм. Когда благовония иссякли, я начал впадать в спячку, чтобы сберечь силы.

Этот, даже после перестройки, тесный храм иногда становился местом игр для деревенских детей. Но по ночам мало кто из них осмеливался оставаться в пустом святилище.

Поэтому, когда Ли Чжаоди пробралась внутрь, Цин Цзэ ничего не заметил.

День за днём он спал, не различая дня и ночи. В тёмной дрёме он вдруг почувствовал слабый аромат ягод.

Он открыл глаза внутри статуи. На пыльном алтаре лежала гроздь тёмно-фиолетовой шелковицы. Белая змея с тысячелетней историей выскользнула из изваяния и свысока воззрилась на незваную гостью.

В руках Ли Чжаоди была ещё одна гроздь ягод. Она подумала и сказала:

— Я поделюсь с тобой шелковицей, а ты разрешишь мне здесь переночевать.

«Чёрта с два, — подумал Цин Цзэ. — Кто вообще приносит в дар богам шелковицу?»

Ли Чжаоди, видимо, решила, что одной грозди маловато, и достала из кармана горсть помятых полевых цветов.

— Это тоже тебе.

— ...

«Ну ладно, полевые цветы — тоже цветы».

Цин Цзэ выскользнул из статуи. Ли Пинъюй достала из рюкзака фонарик и тетрадь, легла на пол и принялась писать. На её руках виднелись синяки.

На тетради было аккуратно выведено имя: Ли Чжаоди.

«Ли Чжаоди. Уродливое имя, оно ей не идёт».

— Я ненавижу своего младшего брата, — пробормотала она, грызя кончик ручки. — Когда-нибудь я сменю имя. Буду Ли Пинъюй.

С тех пор Ли Пинъюй стала частой гостьей в храме. Только она, ребёнок, осмеливалась по ночам пробираться сюда. Она была дичее всех детей, которых видел Цин Цзэ. Иногда она вваливалась в храм, вся в репьях, и приносила ему букет полевых цветов.

С каждым разом её букеты становились всё красивее.

Цин Цзэ любил цветы. Он часто выползал из статуи, сворачивался клубком среди цветов и спал, ожидая, когда Ли Пинъюй принесёт ему свежий букет.

Суть поклонения — обмен. Любые цветы, любые плоды могли купить спокойную ночь в храме.

Иногда Ли Пиньюй находила где-то пару ароматических палочек, зажигала их на улице и, прикрывая ладонью, вбегала в храм, чтобы воткнуть в курильницу.

Благодаря подношениям Ли Пиньюй Цин Цзэ обрёл немного силы. Он перестал проводить дни в спячке, теперь он скусающе покачивал кончиком хвоста, снова и снова пересчитывая полевые цветы в ожидании, когда Ли Пиньюй вернётся из школы.

Однажды Ли Пиньюй взяла примятый им цветок и, необъяснимо улыбнувшись, посмотрела на статую. От этой улыбки Цин Цзэ стало не по себе, и он тут же спрятался обратно.

«Она точно знает».

«Умные девчонки такие невыносимые!» — с досадой подумал он.

Но однажды Ли Пиньюй не пришла.

Глубокой ночью Цин Цзэ не выдержал, покинул храм и, следуя по запаху, нашёл её дом. Ещё на подходе он учуял запах крови.

Она ранена.

Цин Цзэ взмахнул хвостом, когти на его брюхе втянулись и выпустились, и он быстро скользнул в дом Ли Пиньюй.

Из освещённой гостиной доносились пронзительные крики женщины:

— Ли Чжаоди, паршивка! Я велела тебе помочь брату с уроками, почему ты за ним не смотришь?!

Шея и даже лицо Ли Пиньюй были исчерчены кровавыми полосами от веток, но ей было всё равно.

— Это потому, что он тупой. Я ещё не видела такого идиота.

Едва она договорила, мальчик, самодовольно сидевший на стуле, схватил табуретку и швырнул в неё.

Ли Пиньюй увернулась и в ответ запустила в него тетрадь.

— Ах ты!.. — взвизгнула женщина и хлестнула Ли Пиньюй веткой по спине. — Кто разрешил тебе его бить? Он твой младший брат, ты должна ему уступать! Когда ты выйдешь замуж, он

будет твоей опорой! Если он будет хорошо учиться, тебе же от этого только лучше! Какая же ты злая! Ты просто не хочешь, чтобы у твоего брата всё было хорошо!

Ли Пиньюй не собиралась терпеть второй удар. Схватив рюкзак, она бросилась прочь.

Она с детства росла на улице, была высокой и длинноногой, и даже с тяжёлым рюкзаком бежала очень быстро. Женщина в ярости хотела было погнаться за ней.

— Посмотри, что ты вырастила, — наконец подал голос мужчина, до этого молча пивший в комнате. — Ни одного нормального, иди готовь, я целый день пахал.

Женщина смущённо опустила ветку и пробормотала:

— Знаю, знаю, вечно ты голодный... — и громко крикнула вдогонку: — Беги! Только попробуй вернуться!

Цин Цзэ, обвившись вокруг балки, шевельнул кончиком хвоста. Мгновение спустя в траве послышался шорох. Вскоре в доме раздались панические крики мужчины и женщины:

— Отец ребёнка, змея!

— Откуда столько змей? Скорее неси палку!

Выбежав из дома, Ли Пиньюй со всех ног бросилась в храм Короля-дракона.

Вернувшись домой, её заставили делать с братом летние задания. Но выросший в такой семье мальчишка совершенно её не слушал и где-то нахватался бранных слов.

Ли Пиньюй надоело его учить, она дала ему ответы для списывания, но тут её застала вернувшаяся с поля мать, за что она и получила порку.

В храме было по-прежнему темно. Ли Пиньюй так торопилась, что забыла фонарик. Она села на пол и вздохнула.

Когда Цин Цзэ вернулся, он нашёл Ли Пиньюй сидящей в дверях. При тусклом свете луны она плела венок. Закончив, она положила его на алтарь и торжественно поклялась:

— Когда у меня будут деньги, я поставлю тебе большую лампу, и буду приходить сюда делать уроки каждый день.

— «Наивность крестьянина, что думает, будто император пашет золотой мотыгой», —

пробормотал Цин Цзэ.

Он медленно принял человеческий облик. Тысячу лет он провёл в уединении в реке, редко выходя в мир людей, и характер его остался юношеским, поэтому и облик он принял соответствующий — юноши лет шестнадцати-семнадцати.

Серебряные волосы, зелёные глаза, неземная красота.

Он взял курильницу с алтаря, высыпал пепел, высунул её в окно и через пару мгновений вернул обратно, полную лунного света.

Цин Цзэ с грохотом поставил курильницу перед Ли Пиньюй. Мягкое сияние медленно рассеялось, осветив небольшой пятёчек пространства.

— Делай уроки!

— ... — Ли Пиньюй.

Она впервые видела Цин Цзэ и спокойно отнеслась к его нечеловеческим серебряным волосам и вертикальным зрачкам. Она даже осмелилась подойти поближе.

— Что ты делаешь?! — задержав дыхание, спросил Цин Цзэ.

— Я слышала от стариков в деревне, что в храме Короля-дракона живёт белая змея, — с улыбкой сказала Ли Пиньюй. — Это ты? Ты дух?

Цин Цзэ оскалил острые ядовитые клыки.

— Да, я! — прошипел он, пытаясь казаться грозным. — Укушу!

— Не укусишь. Мне кажется, я тоже своего рода дух. Родители в деревне меня не очень-то любят, говорят, я плохая сестра и плохая дочь. Но им приходится ко мне обращаться, потому что я лучше всех в деревне учусь.

Ли Пиньюй встала на цыпочки — она была чуть ниже Цин Цзэ — и её тёмные глаза наполнились смехом.

— Ты — божество, которому никто не поклоняется, а я — ребёнок, который никому не нужен. Мы с тобой товарищи по несчастью, ты меня не укусишь.

У Цин Цзэ осталось мало духовной силы. Приняв человеческий облик и собрав лунный свет, он

был вынужден вернуться в стацию, чтобы снова погрузиться в сон.

Та встреча показалась ему странным сном, порождённым юношеским воображением.

Ли Пиньюй стала приходить всё реже. Цин Цзэ смутно слышал, как она говорила что-то о выпускных экзаменах, о том, что больше не вернётся. Он с трудом очнулся.

Пятнадцатилетняя девочка стала взрослой. Она унаследовала лучшие черты своих родителей и превратилась в поразительно красивую девушку.

Сжимая в руке ароматическую палочку, Ли Пиньюй впервые почтительно поклонилась статуе Короля-дракона.

Цин Цзэ молча смотрел на неё.

— Надеюсь, я успешно сдам экзамены, — сказала Ли Пиньюй.

«Пусть твой путь будет гладким».

— Надеюсь, мой путь будет достаточно долгим.

«Пусть ты будешь в безопасности и счастлива».

— Надеюсь... — она склонила голову набок, задумалась и вдруг улыбнулась, не договорив вслух, а лишь произнесла про себя: «Надеюсь, тот мимолётный проблеск юности не был сном, надеюсь, ты действительно существуешь в этом мире».

Цин Цзэ провожал её взглядом, пока она не вышла из маленького храма, из этой деревни. Он надеялся, что Ли Пиньюй больше никогда не вернётся.

После её ухода силы Цин Цзэ стали угасать всё быстрее, и он снова впал в долгую спячку, просыпаясь лишь раз в год, на Новый год.

Потому что Ли Пиньюй возвращалась с благовониями.

— Так ты всё-таки помог Ли Пиньюй убить человека? Её мужа? — прервал воспоминания Цин Цзэ Ю Синьюэ.

— Я не помогал ей убивать, — выпрямился Цин Цзэ. — Она не хотела никого убивать. Это я настоял.

— В последний раз она приходила пять дней назад.

Двадцативосьмилетняя Ли Пинъюй, с волосами, собранными в высокий хвост, полностью избавилась от былой неловкости, став высокой и стройной.

— Она сказала мне, что приняла решение, сделала всё, что было в её силах, и теперь хочет узнать волю небес, — глубоко вздохнул Цин Цзэ. — Я сказал, что благословлю её на удачу во всех начинаниях.

Ю Синъюэ нахмурился.

— Что, босс, как человек, почувствовали себя неуютно? — усмехнулся Цин Цзэ.

— М? — Ю Синъюэ помахал пальцем. — Я не собираюсь судить духа по человеческим законам. К тому же я не глухой. Мой друг только что сказал, что ты косвенно стал причиной смерти мужа Ли Пинъюй. Так что мне нужна лишь причина, приемлемая с точки зрения причинно-следственных связей.

— Этот человек принимал какое-то лекарство, — холодно сказал Цин Цзэ. — Очень дорогое... лекарство? Не знаю, что это было. Он как безумный тратил семейные деньги и не мог остановиться. Пинъюй сначала хотела с ним развестись, но он не соглашался. Он пытался подсадить Пинъюй на это лекарство.

Ю Синъюэ потёр переносицу: муж Ли Пинъюй был наркоманом.

— Этот человек был болен? — с недоумением спросил Ши Уянь.

— Не болен, — покачал головой Ю Синъюэ. — Это яд, вызывающий зависимость. Раз попробовав, от него очень трудно отказаться, почти невозможно.

Ши Уянь задумался, но так и не понял.

— Почему люди едят яд?

Бу Люкэ тоже поднял голову, ожидая ответа.

Ю Синъюэ, нахмурившийся с того момента, как услышал слово «лекарство», почувствовал физическое отторжение. Он снял очки и помассировал виски.

— Чтобы сбежать. Ради эйфорической иллюзии после приёма. Люди по-разному справляются со стрессом, кто-то рациональными способами, кто-то нет.

Когда Ю Синьюэ учился в школе, отец одного из его одноклассников был игроманом, а мать играла в азартные игры. Отец влез в долги и не смог их отдать, а мать сбежала с кем-то из игорного дома.

Оставшийся ребёнок ходил в школу как зомби, а потом, в начале второго года старшей школы, просто не вернулся.

Пальцы Ю Синьюэ невольно сжались так сильно, что кожа покраснела.

Ши Уянь взял его за запястье.

— Синьюэ, не расстраивайся.

Он сделал это с совершенно спокойным, заботливым выражением лица.

Ю Синьюэ почувствовал лёгкий аромат, исходящий от его рукавов, и постепенно успокоился.

— Вы закончили любезничать? — мрачно спросил Цин Цзэ.

— ...Прошу прощения, продолжай, — сказал Ю Синьюэ.

— Что именно произошло, я не знаю. Мои силы ослабли. В тот день, когда Пиньюй вернулась, я тайно последовал за ней в город Инцзян и по дороге подслушал их ссору. К сожалению, я не смог проследить её до дома, я не могу уходить так далеко.

— На следующий день я снова отправился туда. На соседней улице я увидел того мужчину. Он был как безумный. Я пошёл за ним и увидел, как он, шатаясь, взобрался на мост, достал сигарету и зажигалку.

— Я сдул сигарету у него из рук.

— Он, пытаясь её догнать, прыгнул вниз.

Мужчина прыгнул и исчез в мутных водах реки Инцзян. Цин Цзэ, обвившись вокруг перил, услышал, как в небе прогремел гром.

Он содрогнулся. Кости, которых давно не было, казалось, всё ещё помнили боль от удара небесной кары.

Но на этот раз молния так и не ударила.

— Неправильно.

Ю Синьюэ побледнел и вскочил на ноги.

— Если тот мужчина мёртв, почему я вижу нить?

— Нить? — переспросил Цин Цзэ. — Ваш босс в «Бу Люкэ» разве не говорил, что причинно-следственные связи — это и есть нити? Я косвенно стал причиной его смерти, он ненавидит меня, вот и связь.

Ю Синьюэ протянул руку.

— Ты не понимаешь, — отчеканил он.

Цин Цзэ внезапно почувствовал, как что-то сдавило ему горло. Из ниоткуда появилась кроваво-красная нить. Один её конец обвивал шею змея, а другой был зажат в руке Ю Синьюэ.

— После смерти человека большинство его земных обид и связей обрываются. Душа по инстинкту стремится в загробный мир и возвращается лишь на седьмой день под присмотром посланников. Только духи с глубокой, неутолимой обидой отказываются от реинкарнации и бродят по миру живых, становясь тем, что в народе называют злыми духами.

— Смерть обрывает все нити, связывающие с миром живых. Инь и Ян разделены. Но на тебе до сих пор висит кровавая нить убийства.

— Ты хочешь сказать, — голос Цин Цзэ дрогнул, — что душа того мужчины не ушла в загробный мир?

Цин Цзэ замотал головой.

— Невозможно! Какая у него может быть обида? Гнилой, никчёмный человек, с какой стати он стал злым духом, жаждущим мести?

— Хотя в мире и ходят легенды о мстительных призраках, — вмешался Ши Уянь, — но души замученных до смерти, которые при жизни не смели сопротивляться, и после смерти вряд ли осмелятся. А вот злодеи после смерти легко становятся злыми духами.

— Что теперь делать?! — Цин Цзэ был в панике. — Я не знаю, где она живёт. Если я сейчас отправлюсь в Инцзян, смогу ли я найти этого злого духа?

Ю Синьюэ слегка надавил на нить. Она была не слишком прочной, даже хрупкой. Значит, её

другой конец ещё не полностью сформировался.

Злой дух ещё не был по-настоящему злым. К тому же, призраки тоже боятся людей. Вспомнить хотя бы того водяного, что преследовал У Синфана, — его же избил полиция.

Призраки боятся сильных и издеваются над слабыми.

Иначе почему злой дух не пришёл за Цин Цзэ? Потому что тёмные сущности не могут даже переступить порог храма Короля-дракона.

— А что за человек эта ваша госпожа Ли Пинъюй? — спросил Ю Синъюэ.

— Ты же слышал днём, — ответил Цин Цзэ. — Она хорошо учится, хорошо зарабатывает, жертвует деньги начальной школе в городе, помогает девушкам из деревни поступить в университет. Почему хороший человек должен страдать от злого духа?

— Хорошо, — улыбнулся Ю Синъюэ. — Считаю, что ты мне должен.

Он отпустил нить. Алая, пропитанная губительной аурой, она выстрелила из змеиного тела Цин Цзэ и устремилась к центру города Инцзян.

В её кровавом свете лицо Ю Синъюэ казалось выточенным из холодного нефрита.

<http://bllate.org/book/13706/1587346>